

Научная статья

УДК 343.43

DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(2).211-217

EDN WWEOBI

Проблемы отграничения кражи от присвоения найденного

Владимир Валерьевич Агильдин

Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия

AgildinVV@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6628-0736>

АННОТАЦИЯ

В статье обосновывается необходимость разграничения таких деяний, как кража и присвоение найденного имущества, ранее потерянного или забытого собственником. Охрана собственности – одна из важнейших задач уголовного законодательства. И практика свидетельствует о множестве ситуаций, когда возникают достаточно сложные вопросы по квалификации деяний, связанных с нарушением права собственности. Приводятся примеры, иллюстрирующие позицию судов и правоохранительных органов относительно факта разграничения присвоения находки и кражи чужого имущества. Основываясь на анализе законодательства и судебной практики, автор предпринимает попытку установить критерии, в каких случаях присвоение найденного является преступлением, а когда это – не преступное деяние. Несмотря на кажущуюся простоту, вопрос разграничения находки и кражи в правоприменительной деятельности достаточно сложен. Это подтверждается и позицией Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной в постановлении 2023 года. Кража, в отличие от присвоения найденного, более общественно опасное деяние и квалификация действия лиц, присвоивших найденное, как кражи нарушает принципы законности и справедливости. Несмотря на то, что ранее неоднократно проводились попытки выработать критерии такого разграничения и состоялось большое количество научных работ по данной тематике, проблема до настоящего времени не решена. Очевидно, необходимы четкие разъяснения правил и критериев отграничения кражи от присвоения найденного имущества на уровне постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации. В качестве результата проведенного исследования автором предлагается вывод об установлении уголовной ответственности за присвоение найденного, так как именно таким способом можно избежать проблемы при разграничении изучаемых деяний.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

находка, присвоение найденного, чужое имущество, потерянное или забытое имущество, бесхозное имущество, изменение закона, кража, проблемы наказания, правоприменительная практика, отграничение деяний, тайное хищение имущества

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Агильдин В.В. Проблемы отграничения кражи от присвоения найденного // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 2. С. 211–217. DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(2).211-217. EDN WWEOBI

Original article

The problems of differentiation of theft from appropriation of found

Vladimir V. Agildin

Baikal State University, Irkutsk, Russia

AgildinVV@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6628-0736>

ABSTRACT

The article substantiates the need of differentiation of theft and appropriation of the property found, previously lost or forgotten by the owner. The protection of property is one of the most important tasks of criminal law. And practice shows a lot of situations when there are quite complex questions on the qualification of acts related to the violation of property rights. Examples are given that illustrate the position of the courts and law enforcement agencies regarding the fact of differentiation between appropriation of a find and theft of someone else's property. Based on the analysis of legislation and judicial practice, the author attempts to establish criteria in which cases the appropriation of found is a crime, and when it is not a criminal act. Despite the apparent simplicity, the issue of differentiation between a found and theft in law enforcement is quite complicated. This is also confirmed by the position of the Constitutional Court of the Russian Federation, formulated in the resolution of 2023. Theft, in contrast to the appropriation of the found, is a more socially dangerous act and the qualification of the actions of the persons who appropriated the found, as theft, violates the principles of law and justice. Despite the fact that earlier attempts were repeatedly made to develop criteria for such differentiation and a large number of scientific works on this topic took place, the problem has not yet been solved. Obviously,

© Агильдин В.В., 2023

clear explanations of the rules and criteria for differentiation theft from appropriation of found property are needed at the level of the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. As a result of the study, the author proposes a conclusion to establish of criminal liability for the appropriation of found, since it is in this way that the problem can be avoided when differentiation between the acts under study.

KEYWORDS

a find, appropriation of found property, lost or forgotten property, ownerless property, change of law, theft, problems of punishment, law enforcement practice, differentiation of acts, secret theft of property

FOR CITATION

Agildin V.V. The problems of differentiation of theft from appropriation of found. *Akademicheskij juridicheskiy zhurnal = Academic Law Journal*. 2023;24(2):211–217. (In Russian). DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(2).211-217. EDN WWE0BI

Введение

Конституция РФ гарантирует право собственности и его неприкосновенность. Наиболее эффективную защиту данного права от преступных посягательств обеспечивает уголовное законодательство. Согласно статистическим данным самыми распространенными преступлениями против собственности являются хищения, причем в последнее время российские суды стали толковать и присвоение найденного имущества как хищение. При проведении анализа статистических данных, представленных различными государственными ведомствами, нами выявлено, что в некоторых случаях прекращения уголовного дела лицо, осуществлявшее его расследование, «столкнулось» со значительным пробелом в современном российском материальном праве [1, с. 116]. Зачастую правоприменитель неправильно квалифицировал действия лица, присвоившего найденное имущество, необоснованно привлекая его к уголовной ответственности за кражу, а в некоторых случаях – незаконно освобождая от уголовной ответственности. В этой связи перед наукой уголовного права стоит важная задача выработки конкретных критериев составов преступлений и определения логико-правовой основы для их оценки.

Ранее действовавший Уголовный кодекс РСФСР 1960 года¹ содержал нормы, устанавливающие уголовную ответственность за присвоение найденного, – статью 148.4 «Присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного чужого имущества», которая предусматривала уголовную ответственность за присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного ценного имущества, заведомо принадлежащего другому собственнику, а также статью 97 «Присвоение найденного или случайно оказавшегося у виновного ценного имущества, заведомо принадлежащего государству или обществен-

ной организации». Указанные нормы закрепляли различные составы хищений в зависимости от формы собственности. (В настоящее время все формы собственности равны и не требуется различных составов в зависимости от формы собственности.) При этом оба указанных состава не относились к хищениям. В дальнейшем, с принятием в 1996 году Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ), подобные деяния были декриминализованы и не признавались преступлениями. Этой позиции придерживаются законодатели стран постсоветского пространства и сегодня. Например, в Уголовном кодексе Казахстана ответственность за подобное преступление не предусмотрена [2].

Обоснование проблемы

В связи с тем, что судебная практика стала трактовать присвоение найденного имущества как тайное хищение, в правоприменительной практике возникли проблемы при квалификации некоторых уголовных дел, возбуждаемых по статье 158 УК РФ, когда виновный присваивал найденное чужое имущество. Предметы, доступные для большинства граждан и находящиеся постоянно при пользователе (владелец), – сотовые телефоны, планшеты, кошельки, сумочки и т. д. – часто бывают забыты в общественных местах (кафе, ресторанах), в транспорте (поездах, самолетах, автобусах, такси) либо потеряны собственником, а после их обнаружения присвоены нашедшим. Проведенный нами анализ судебной практики показывает, что в регионах ранее складывалась различная практика по квалификации рассматриваемых деяний. До 2017 года в большинстве случаев такие уголовные дела прекращались по основанию, предусмотренному пунктом 2 части 1 статьи 24 УПК РФ, т. е. за отсутствием в деянии состава преступления либо по ним выносились оправдательные приговоры или поста-

¹ Уголовный кодекс РСФСР : принят Верховным Советом РСФСР 27 окт. 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591. Документ утратил силу.

² Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

новления (определения). Однако были и случаи (достаточно редко), когда суд выносил и обвинительные приговоры³, хотя в дальнейшем часть из них отменялась вышестоящей инстанцией.

Приговором мирового судьи судебного участка № 1 г. Мценска и Мценского района Орловской области от 21 февраля 2017 года гр-н Е.А.Г. был признан виновным за совершение преступления, предусмотренного частью 1 статьи 158 УК РФ, т. е. за кражу – тайное хищение чужого имущества. В суде было установлено, что гр-н Е.А.Г., прогуливаясь, обнаружил на лавочке телефон, забрал его себе, попытался разблокировать, но не смог. После получения нескольких смс, предположив, что это пишет собственник телефона, не перезвонил ему, а выкинул сим-карту и стал использовать найденный телефон. При таких обстоятельствах суд квалифицировал деяние как кражу и признал Е.А.Г. виновным в совершении кражи.

Апелляционным приговором Мценского районного суда Орловской области приговор был отменен, а гр-н Е.А.Г. был оправдан за совершение данного деяния в связи с тем, что он обнаружил выбывший из владения собственника телефона М.А.Н. на лавочке, т. е. в общественном месте, через промежуток времени после того, как собственник телефона (потерпевший) ушел на достаточное расстояние от лавочки, а также то, что активных действий по изъятию имущества из владения собственника М.А.Н. осужденный Е.А.Г. не совершал, а взял его, когда тот без какого-либо его участия уже выбыл из владения М.А.Н. По мнению суда, все вышеизложенное свидетельствует об отсутствии в действиях Е.А.Г. умысла на хищение⁴.

В судебной практике можно найти множество уголовных дел, где лицо, присвоившее найденное, было оправдано по обвинению в совершении кражи. В качестве аргумента невиновности лица в совершении кражи суд указывал, что «присвоение потерянной вещи не содержит состава хищения и относится к области гражданско-правовых споров»⁵, а также, что «действующее законодательство предусматривает, что лицо, утаившее находку либо не заявившее о ней,

не несет уголовной ответственности»⁶. В таком случае «лицо только утрачивает право на вознаграждение в случае, когда владелец вещи обнаружится и потребует ее возвращения»⁷.

В дальнейшем в правовом регулировании рассматриваемых правоотношений произошло смещение приоритетов и в большинстве случаев действия лиц, которые присвоили найденное имущество, стали квалифицировать как кражу.

Думается, что подобные изменения произошли после вынесения Верховным Судом РФ в 2017 году определения, которым был оставлен в силе приговор Сеgezского городского суда Республики Карелия, согласно которому гражданка Г. была осуждена по пункту «в» части 2 статьи 158 УК РФ. Осужденная была не согласна с квалификаций ее действий и утверждала, что нашла данный телефон в общественном месте в холле поликлиники. Верховный Суд в своем определении указал, что потерпевший телефон не терял, а оставил его вместе с другими вещами, достоверно знал о месте нахождения телефона, а сам телефон имеет определенные индикаторные признаки. Все это свидетельствует о совершенном Г. хищении и поэтому ни о какой находке говорить нельзя⁸. То есть, исходя от обратного, в тех случаях, когда имущество выбыло из владения собственника вопреки его воли, и собственник не знает, где он оставил принадлежащее ему имущество, а виновный не наблюдал данного события, содеянное не может быть квалифицировано как кража, а является присвоением найденного.

После того как Верховный суд РФ оставил в силе указанный приговор суда, нижестоящие суды начали трактовать практически все случаи присвоения найденного как хищение. При этом зачастую не учитывая смысла и содержания вышеуказанного определения Верховного Суда РФ.

На наш взгляд, одним из примеров неверной интерпретации определения Верховного Суда РФ является приговор Октябрьского районного суда г. Иркутска в отношении гр-на Р, который был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 158 УК РФ, т. е. кражи – тайное хищение чужого

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Курганского областного суда от 09 декабря 2010 г. по делу № 22-3177/2010. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/29077634/29657105/> (дата обращения: 12.12.2022).

⁴ Апелляционное постановление Орловского областного суда от 12 июля 2016 г. по делу № 22-1193/2016 // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

⁵ Приговор Бугурусланского районного суда Оренбургской области в отношении Садыковой по уголовному делу № 1(1)/2012 г. URL: <http://www.gcourts.ru/case/10443113> (дата обращения: 22.09.2021).

⁶ Определение судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 21 июня 2011 г. № 22-4060. URL: http://www.mosoblsud.ru/ss_detale.php?id=142008 (дата обращения: 24.09.2022).

⁷ Апелляционное постановление Забайкальского краевого суда от 17 марта 2016 г. по делу № 22-730/2016 // СПС «КонсультантПлюс». Документ опубликован не был.

⁸ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 19 апреля 2017 г. №75-УД17-2. URL: <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19042017-n-75-ud17-2/> (дата обращения: 13.08.2022).

имущества⁹. В ходе судебного следствия было установлено, что Р. прибыл в аэропорт г. Иркутска с целью проводить свою подругу Б. Находясь в зале ожидания аэропорта, Р. и Б. нашли в одном из кресел футляр с беспроводными наушниками «Эпл», который Р. положил в карман своей верхней одежды. Проводив Б. на посадку, Р. покинул аэропорт и уехал домой. Через 10 дней ему позвонил сотрудник полиции и спросил, не находил ли он в аэропорту наушники. После того, как Р. подтвердил данное обстоятельство, сотрудник попросил привезти их в полицию, чтобы вернуть собственнику. По прибытию в отдел полиции Р. узнал, что в отношении него возбуждено уголовное дело за кражу наушников.

В дальнейшем суд признал его виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 158 УК РФ. Свою позицию суд аргументировал следующим доводом: Р., осознавая факт, что указанное имущество ему не принадлежит и оставлено кем-то из пассажиров, не исполнил обязанность по уведомлению о находке собственника имущества либо иного лица, имеющего право ее получить. Суд также сослался на пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (далее – Постановление Пленума ВС РФ «О судебной практике...»), согласно которому «как тайное хищение чужого имущества (кража) следует квалифицировать действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества»¹⁰.

Полагаем, что этот приговор суда незаконный и несправедливый. Деяние, совершенное Р., явно не подпадает под понятие кражи. Да и по мнению общества, лицо, присвоившее найденное, – не вор. Судя по результатам проведенного нами опроса, из 107 человек 92 опрошенных сообщили, что они такие действия кражей не считают.

Апелляционным определением Иркутского областного суда указанный приговор Октябрьского районного суда был оставлен в силе. Но это определение было вынесено до принятия постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 января 2023 го-

да¹¹ (далее – постановление Конституционного Суда РФ от 12 января 2023 года), в котором дано разъяснение по отграничению найденного имущества от кражи. В свете указанных разъяснений противоречивым и нелогичным выглядит постановление, которым Восьмой кассационный суд общей юрисдикции отказал в удовлетворении кассационной жалобы гр-на Р., оставив в силе приговор Октябрьского районного суда.

По нашему мнению, привлечение Р. к уголовной ответственности за кражу противоречит принципу законности, согласно которому преступность деяния определяется только уголовным законодательством.

Так, законодатель под кражей понимает тайное хищение чужого имущества. Согласно примечанию к статье 158 УК РФ хищением признаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Объективная сторона исследуемого нами преступления выражается в противоправном, безвозмездном изъятии или завладении наушниками, т. е. Р., по мнению суда, совершил действия, которые были направлены на получение возможности распоряжаться чужим имуществом в виде беспроводных наушников «Эпл», в результате чего указанные наушники были изъяты из владения, пользования, распоряжения потерпевшего Т. Но в рассматриваемом случае никакого противоправного изъятия или завладения чужим имуществом не было. Наушники были найдены в зале ожидания аэропорта, на сиденье, рядом не было никого из людей, не было и иных вещей. Действительно, при краже изъятие имущества возможно и при отсутствии собственника или владельца, но такое имущество в момент изъятия не выбыло из собственности или владения потерпевшего. В нашем случае Р. нашел наушники, нашел их уже после того, как они выбыли из владения потерпевшего Т., причем вопреки его воле. Судом установлено, что Т. выронил наушники, и когда обнаружил их пропажу, точно не знал места их потери. Рассматривать же действия виновного в присвоении найденного имущества, после того как оно выбыло из

⁹ Приговор Октябрьского районного суда г. Иркутска в отношении Р.А.С. по делу №1-100/2022 (38RS0035-01-2021-007170-17). URL: https://oktiabrsky--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=391149823&case_uid=6b707509-c691-477c-ab63-7865c22ea785&delo_id=1540006 (дата обращения: 19.01.2023).

¹⁰ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 дек. 2002 г. № 29 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 января 2023 г. № 2-П по делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В. Галимьяновой и В.С. Пузырякова. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301170002?index=1> (дата обращения: 24.09.2022).

владения собственника, как изъятие или завладение, – неправомерно. Кража – это всегда противоправное действие. Расценивать как противоправность неисполнение обязанности по уведомлению о находке собственника имущества либо иного лица, имеющего право ее получить, нельзя, так как противоправным признается деяние, запрещенное УК РФ. Ведь неисполнение обязанности сообщить о находке или сдать ее в полицию не может образовывать объективную сторону хищения. В соответствии со статьей 227 Гражданского кодекса Российской Федерации¹² (далее – ГК РФ) «...нашедший потерянную вещь должен сообщить о находке или сдать ее в полицию или орган местного самоуправления». Использование гражданско-правовых категорий и критериев также необходимо для правильной квалификации преступных деяний по соответствующим составам преступлений, производства процессуальных действий, применения мер пресечения. Категории и критерии гражданского права играют важную роль на стадии решения вопроса о возбуждении уголовного дела, производства следственных действий, судебного разбирательства, а также применения к осужденному уголовного наказания [3, с. 577].

Вместе с тем нарушение указанных обязанностей не влечет уголовную ответственность для нашедшего [4, с. 60]. И то, что нашедший потерянную вещь не сообщает о находке или не сдает ее в полицию, не является основанием для привлечения его к уголовной ответственности, поскольку согласно пункту 2 статьи 229 ГК РФ «за невыполнение указанных гражданско-правовых обязанностей лицо только лишается права на вознаграждение» [5, с. 77].

Полагаем, что признаки тайного хищения чужого имущества отсутствуют и в приведенном нами примере, а в действиях Р. нет состава преступления, предусмотренного частью 1 статьи 158 УК РФ.

Представляется верным утверждение, что «для правильной юридической оценки действий лица, завладевшего имуществом в отсутствие собственника, необходимо ответить на вопрос: какое имущество считается выбывшим из его обладания на момент присвоения имущества виновным?» [6, с. 68].

Любое хищение, в том числе и кража, имеет свой предмет – чужое имущество. Виновный, совершая хищение, преследует корыстную цель обогащения [5, с. 77]. То есть при краже виновный стремится к обогащению, получению выго-

ды, и при этом осознает незаконность получения имущества. При присвоении найденного виновный не считает свои действия неправомерными.

В соответствии с пунктом 7 Постановления Пленума ВС РФ «О судебной практике...» признак корысти исключается, если налицо либо желание временно использовать чужое имущество с последующим возвращением его собственнику, либо у лица имеется предположение (пусть и ошибочное) о наличии у него права на это имущество.

Получается, что одним из важнейших критериев для разграничения кражи и присвоения найденного является определение того, выбыло ли имущество из фактического владения собственника и каким способом это произошло. Здесь очевиден правовой пробел, который ученые-правоведы пытаются восполнить. По мнению некоторых исследователей, «...под «забытыми вещами» следует считать те вещи, которые были утрачены по вине собственника, при этом сам собственник может вспомнить место и обстоятельства, где именно он мог оставить свое ценное имущество и имеет реальную возможность вернуться за ним в любой момент. А местонахождение «потерянных» вещей собственнику не известно. Обстоятельства, при которых произошло прекращение права собственности, окончательно и безвозвратно забыто» [5, с. 79]. Иными словами, обстоятельства и обстановка, при которых было найдено имущество, а также дальнейшие действия с этим имуществом имеют важное значение для квалификации.

В соответствии со статьей 227 ГК РФ «находкой» является обнаружение чужой вещи, которая выбыла из владения собственника помимо его воли. По смыслу данной нормы следует, что она применима как в тех случаях, когда лицо, нашедшее вещь, знает, кто именно является ее собственником, так и в случаях, когда он не знает о принадлежности вещи конкретному лицу. В таком случае закон обязывает нашедшего вещь уведомить об этом собственника либо лицо, потерявшее ее, если они ему известны, либо сообщить о находке в правоохранительные органы.

В данном случае не стоит забывать и о таком немаловажном моменте, как то, что лицо, скрывшее находку либо не заявившее о ней, не несет никакой юридической ответственности и только утрачивает право на вознаграждение в случае, когда владелец вещи обнаружится и потребует ее возвращения.

Вынесение постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а также оправдательного приговора только на том основании, что лицо само не пред-

¹² Гражданский кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

принимало активных действий по обособлению имущества из фондов собственника и, следовательно, не совершало изъятия, не могут расцениваться как законные, поскольку не соответствуют критериям полноты и объективности [2].

По нашему мнению, органы предварительного расследования, давая правовую оценку действий лица, которое нашло какую-либо вещь и не совершает предписанных статьей 227 ГК РФ действий, а просто присваивает ее себе, начинает ею пользоваться, должны провести проверку в рамках статьи 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹³ на наличие в его действиях признаков самоуправства, предусмотренного статьей 330 УК РФ.

Описывая состав самоуправства, законодатель говорит о самовольном, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред [7, с. 32].

ГК РФ не раскрывает такого понятия, как «находка». На наш взгляд, этот пробел можно устранить, приняв, как оптимальное, следующее определение: «Находка — это неожиданное обнаружение какой-либо чужой вещи, которая была из владения собственника» [8, с. 47].

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, стоит отметить, что право собственности гарантировано Конституцией РФ, но ввиду отсутствия специальной нормы права, которая решала бы вопросы об уголовной ответственности за присвоение найденного, право собственности не может считаться защищенным надлежащим образом. Ущерб, причинный невыполнением обязанностей, предусмотренных статьей 227 ГК РФ, в настоящее время достаточно велик и вполне сопоставим с ущербом от иных преступлений, так или иначе посягающих на отношения собственности. И поэтому продолжение исследований в этой области, выработка унифицированных подходов к оценке присвоения находки представляются актуальными и необходимыми. Из-за отсутствия специальной нормы правоприменитель, защищая интересы собственника или законного владельца, нарушает принципы УК РФ, неправильно квалифицирует деяние. Отсутствие уголовной ответственности за невозврат собственнику или иному уполномоченному лицу утерянному им имущества — отнюдь не

мнимый пробел в уголовном законе, который хоть как-то нужно заполнить.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 12 января 2023 года даются подробные разъяснения о разграничении находки и кражи. Представляется, что позиция высшего судебного органа конституционного контроля страны способствует тому, чтобы правоприменитель правильно квалифицировал содеянное и не привлекал к уголовной ответственности невиновных. И все же, по нашему мнению, некоторые вопросы остаются нерешенными. Хотелось бы, чтобы Конституционный Суд РФ более четко конкретизировал критерии разграничения. Кроме того, необходимы разъяснения по данному вопросу, закрепленные постановлением Пленума Верховного Суда РФ, что исключит вариативность в применении нормы. Таким образом, предполагается качественное изменение оценки и, «по мере накопления практического материала» [9, с. 77], выработка четких критериев разграничения.

Думается, что ввиду отсутствия в уголовном законодательстве РФ специальной нормы, которая предусматривала бы уголовную ответственность за присвоение найденного, право собственности, несмотря на то что оно закреплено в Конституции РФ, не может считаться защищенным надлежащим образом. В этой связи предлагаем включить в УК РФ статью 158-2, предусматривающую, что присвоение найденного чужого имущества — наказывается штрафом в размере пятикратной стоимости присвоенного имущества. Одновременно необходимо внести соответствующие изменения в статью 46 УК РФ, которая регламентирует понятие и размер штрафа как вида наказания.

Предложение о введении такой ответственности не ново, ученые и прежде его высказывали [10, с. 49]. Поддерживаем его. Уверены, наличие такой нормы позволит избежать споров и ошибок при квалификации деяний.

Представляется, что уголовная политика Российской Федерации должна быть нацелена не только на борьбу с преступлениями, но и на совершенствование норм уголовного законодательства. При включении в УК РФ предложенной нормы право собственности получит более эффективную защиту от различных посягательств, чем в настоящее время.

Конечно, уголовный закон не панацея и не может разрешить все социальные проблемы. Но мы уверены, что реализация его охранительных и регулятивных возможностей будет способствовать устранению пробелов и соблюдению принципа законности.

¹³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ч. 1. Ст. 4921.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рогава И.Г. Отграничение кражи от смежных составов // И.Г. Рогава, Д.П. Тарасенко. – DOI 10.24411/2500-1000-2018-10391. – EDN YTUWQP // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 12-2. – С. 115–117.
2. Чечель Г.И. Законодательная регламентация преступлений против собственности в сфере высоких технологий в УК Казахстана и России / Г.И. Чечель, М.И. Третьяк. – DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(1).228-236. – EDN YHZEKT // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 1. – С. 228–236.
3. Василевская Л.Ю. Взаимодействие гражданского и уголовного права в сфере защиты прав потерпевшего по делам о краже и мошенничестве / Л.Ю. Василевская, Е.Б. Подузова. – DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(4).572-582. – EDN YTNWT // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – № 4. – С. 572–582.
4. Серeda И.М. Кража и находка: проблемы разграничения и квалификации / И.М. Серeda, М.Я. Лухнева. – DOI 10.21639/2313-6715.2022.1.7. – EDN FQJCAT // Пролог: журнал о праве. – 2022. – № 1. – С. 57–65.
5. Хилюта В.В. Забытое имущество и его характеристика в контексте установления признаков кражи и присвоения найденного / В.В. Хилюта. – EDN XZTELB // Синергия. – 2018. – № 2. – С. 74–84.
6. Складов С.В. Кража забытого имущества / С.В. Складов. – EDN ZMRFEB // Уголовное право. – 2017. – № 3. – С. 68–73.
7. Филимонов А.А. Об основах профилактики и раскрытия краж имущества / А.А. Филимонов, Д.И. Рубцов. – EDN GKLNHQ // E-Scio. – 2020. – № 3 (42). – С. 32–38.
8. Карпов К.Н. Квалификация неправомерного присвоения найденного имущества / К.Н. Карпов, С.В. Галян. – EDN SXGKRF // Законодательство и практика. – 2014. – № 1. – С. 46–49.
9. Тетерин Е.Г. Проблемные вопросы криминологической характеристики угона и кражи автотранспортных средств / Е.Г. Тетерин. – EDN JJZGBT // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2007. – № 1. – С. 75–77.
10. Архипов А.В. Хищение или присвоение найденного? Анализ судебной практики / А.В. Архипов, Е.В. Носкова, Е.С. Мазур. – DOI 10.17238/issn2072-909X.2019.11.48-59. – EDN DPXDQU // Российское правосудие. – 2019. – № 11. – С. 48–59.

REFERENCES

1. Rogava I.G., Tarasenko D.R. Restriction of Theft from Related Compositions. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2018, no. 12-2, pp. 115–117. (In Russian). EDN: YTUWQP. DOI: 10.24411/2500-1000-2018-10391.
2. Chechel G.I., Tretiak M.I. The Legislative Regulation of Crimes Against Property in the Sphere of High Technologies by the Criminal Codes Of Kazakhstan and Russia. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 1, pp. 228–236. (In Russian). EDN: YHZEKT. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).228-236.
3. Vasilevskaya L.Yu., Poduzova E.B. Interaction between Civil Law and Criminal Law in the Protection of the Rights of Theft and Fraud Victims. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, no. 4, pp. 572–582. (In Russian). EDN: YTNWT. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(4).572-582.
4. Sereda I.M., Luhnkeva M.Ya. Theft and Find: Problems of Differentiation and Qualification. *Prolog: zhurnal o prave = Prologue: Law Journal*, 2022, no. 1, pp. 57–65. (In Russian). EDN: FQJCAT. DOI: 10.21639/2313-6715.2022.1.7.
5. Hilyuta V.V. Forgotten Property and its Characteristics in the Context of the Installation of the Signs of the Circle and the Assignment of the Foundation. *Sinerhiya = Synergy*, 2018, no. 2, pp. 74–84. (In Russian). EDN: XZTELB.
6. Sklyarov S.V. Theft of Lost Property. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2017, no. 3, pp. 68–73. (In Russian). EDN: ZMRFEB.
7. Filimonov A.A., Rubtsov D.I. On the basics of prevention and detection of theft of property. *E-Scio*, 2020, no. 3, pp. 32–38. (In Russian). EDN: GKLNHQ.
8. Karpov K.N., Galyan S.V. Qualification of illegal appropriation of found property. *Zakonodatel'stvo i praktika = Legislation and Practice*, 2014, no. 1, pp. 46–49. (In Russian). EDN: SXGKRF.
9. Teterin E. Problems of Criminological Characteristics of Hijacking and Vehicle Theft. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2007, no. 1, pp. 75–77. (In Russian). EDN: JJZGBT.
10. Noskova E.V., Arkhipov A.V., Mazur E.S. Thailing or Assignment of Found? Analysis of Judicial Practice. *Rossiiskoe pravosudie = Russian Justice*, 2019, no. 11, pp. 48–59. (In Russian). EDN: DPXDQU. DOI: 10.17238/issn2072-909X.2019.11.48-59.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Владимир Валерьевич Агильдин – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Института юстиции. Байкальский государственный университет. 664003, Россия, Иркутск, ул. Ленина, 11.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Agildin – PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Institute of Justice. Baikal State University. 11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003.

Поступила в редакцию / Received 17.04.2023

Доработана после рецензирования / Revised 15.06.2023

Принята к публикации / Accepted 22.06.2023